

**РАССКАЗ ИНКВИЗИТОРА,
ИЛИ ТРОЕ УДИВИТЕЛЬНЫХ ДЕТЕЙ
И ИХ СВЯТАЯ СОБАКА**

**РАССКАЗ
ИНКВИЗИТОРА,
ИЛИ ТРОЕ
УДИВИТЕЛЬНЫХ ДЕТЕЙ
И ИХ СВЯТАЯ СОБАКА**

Адам Гидвиц

Иллюминатор

ХАТЕМ АЛИ

КАРЬЕРА ПРЕСС
Москва

УДК 821.111(73)-93

ББК 84(7СОЕ)-44

Г46

Перевод с английского — Мария Галина
The Inquisitor's Tale
Or, The Three Magical Children and Their Holy Dog
Adam Gidwitz
Illuminated by Hatem Aly
Dutton Children's Books, New York, 2016

Гидвиц А.

Г46 Рассказ инквизитора, или Трое удивительных детей и их святая собака / Адам Гидвиц [Пер. с англ. М. Галиной]. — М.: Карьера Пресс, 2018. — 384 с. Илл. Иллюминатор Хатем Али.

ISBN 978-5-00074-196-2

Король сражается не с вражеской армией. Он сражается не с другим королем. Он сражается с тремя детьми. И их собакой. Еще неделю назад король ничего не знал об этих детях. Но сейчас их разыскивают все. Что же случилось?

1242 год. В трактире «Святой перекресток» собрались мясники и трубадуры, крестьяне и монахи, рыцари и чернь. На дворе ночь. Такая ночь словно создана для того, чтобы рассказать историю. Каждый хочет услышать историю Жанны, Вильяма, Якоба и Гвенфорт, святой собаки. Историю об их удивительных способностях, о том, как они отчаянно боролись с демонами и драконами, злыми рыцарями и неправдой. О том, как они неожиданно удостоились чести пировать за одним столом с королем, а потом разом попали в немилость.

Что же случилось? И что ждет этих детей и их собаку?

Адам Гидвиц — писатель, книги которого являются бестселлерами «Нью-Йорк таймс».

Хатем Али иллюминировал книгу в стиле средневекового манускрипта.

«Рассказ инквизитора» прекрасно проработан с исторической точки зрения и буквально наполнен невероятными приключениями. «Рассказ инквизитора» в 2017 году получил награду Ньюбери, стал бестселлером «Нью-Йорк таймс», был назван лучшей книгой по версии самых разных экспертных сообществ и признан одной из самых значимых книг года.

Для детей среднего школьного возраста. Для семейного чтения.

ISBN 978-5-00074-196-2

УДК 821.111(73)-93

ББК 84(7СОЕ)-44

Copyright © 2016 by Adam Gidwitz

© 2018, «Карьера Пресс», перевод и издание на русском языке

All right reserved

*Тем, кто трудится во мраке и неизвестности,
чтобы вывести темные века к свету.*

А. Г.

*Моим родителям, которые неизменно соглашались,
что в этой жизни всегда находится место
всяческому завитушкам.*

Х. А.

A decorative border of stylized vines and leaves surrounds the text. The vines are thick and black, with several leaves of varying shapes. Some leaves are simple, while others are more complex with multiple lobes. The vines curve and swirl around the central text box.

КТО ТАКИЕ ИЛЛЮМИНАТОРЫ

Эта книгу иллюминировал — а все средневековые манускрипты сопровождалась рисунками — художник по имени Хатем Али. Некоторые его рисунки отражают определенное событие или идею. Некоторые — просто узоры, не имеющие никакого отношения к действию, в точности как у средневековых иллюминаторов, которые часто рисовали завитушки на полях книг. Иногда их рисунки даже вступали в спор с текстом или выражали сомнение в написанном. Со средневековыми рукописями такое случалось часто. И автор, и иллюминатор работали независимо друг от друга, и у каждого имелось свое понимание касательно того, о чем рассказывалось в книге, — и того, о чем книга умалчивала.

*Славен Господь, сотворивший столько пестрых
вещей... Все такое причудное, разное, странное.*

Дж. М. Хопкинс. Пестрая красота
(Перевод Григория Кружкова)

*Всей искалеченной душой полюбишь
ближнего-калеку.*

У. Х. Оден. Когда я вышел как-то раз под вечер

Король изготовился к войне.

Луи Французскому еще нет тридцати, но он уже величайший король Европы. Он любит своих подданных. Он любит Бога. Его армия ни разу не терпела поражения.

Но эта война — иная.

Он сражается не с вражеской армией.

Он сражается не с другим королем.

Он сражается с тремя детьми.

И их собакой.

Еще неделю назад Луи ничего не знал об этих детях. О них никто не знал. Но сейчас они — самые знаменитые дети во всей Франции. Их разыскивают все.

Как это случилось?

Вот что меня занимает.

Вот почему я сижу в трактире «Святой перекресток», а сюда от Парижа брести целый день, и все на север.

Сейчас начало марта, год 1242-й от Рождения Господа нашего. Там, за порогом, темное небо становится все темней. Ветер стучит в стену трактира ветками старого дуба. Ставни плотно закрыты, чтобы темнота не вползла внутрь.

Такая ночь словно создана для того, чтобы рассказать историю.

Трактир полон. Мясники и пивовары, крестьяне и священники, рыцари и чернь. Все собрались здесь, чтобы поглядеть, как завтра по дороге проследует король. Кто знает, быть может, мы увидим и этих детей? И эту их собаку? Мне очень бы хотелось поглядеть на эту собаку.

Я сижу на шатком табурете за грубым деревянным столом, липким от пролитого эля. Мы устроились тесно, плечом к плечу.

— Итак! — говорю я, потирая ладони. — Кто-нибудь знает что-нибудь об этих детях? Тех, что все ищут? Тех, что с собакой?

Стол словно взрывается.

Все кричат, перебивая друг друга. Рядом со мной сидит женщина с мощными руками, ее зубы черны, как и ее волосы. Ее зовут Мари, она пивоварша. Я спрашиваю, откуда она. Она говорит, что из Сен-Женевьевы.

— Девочка как раз оттуда, — говорю я, — ты ее знала? Еще до того, как о ней узнали все?

— Знала? — удивленно отвечает Мари. — Да это я, можно сказать, ее вырастила. Ну, не то чтобы вырастила, но я и правда ее хорошо знаю.

Она улыбается мне, обнажив свои испорченные зубы. Я улыбаюсь ей в ответ.

И вот Мари рассказывает нам все, что знает о самой знаменитой девочке во всей Франции.

Той, которой объявил войну сам король.

ЛАВА 1

РАССКАЗ ПИВОВАРШИ

История Жанны началась, когда она была совсем маленькой.

Ее мать и отец были обычными крестьянами. Весь день проводили в полях, как и большинство народу в нашей деревушке. Но имелось кое-что, отличавшее их от остальных. У них была эта собака. Великолепная собака. Белая борзая с медным пятнышком на носу. Они прозвали ее Гвенфорт — спроси меня, так чудное имя для собаки. Но они меня не спросили — вот так ее и называли.

Они любили эту свою Гвенфорт. И они доверяли ей.

Так что однажды, когда они ушли работать в поле, они оставили малютку Жанну с Гвенфорт.

— Что? — прервал я ее. — У них нянькой была собака?

— Ну... вообще-то да.

— У крестьян так бывает? Чтобы собака присматривала за детьми?

— Нет. Вроде как нет. Но это была и вправду хорошая собака.

— А! Это все объясняет.

Понимаете, сударь, Гвенфорт так любила эту малышку и так заботилась о ней, что никто не тревожился.

Хотя, быть может, и следовало бы.

Потому что однажды, когда вся ее родня работала в поле под жарким солнцем, к ним в дом забралась змея. Гадюка с глазками-бусинками и черными треугольниками вдоль хребта. Как я сказала, стояла жара, но в доме было прохладно и темно, потому что стены у наших жилищ толстые, из глины и соломы, да и окно одно-единственное, в потолке, просто круглая дырка, куда уходит дым от очага.

Гадюка, ядовитая и бесшумная, как сам дьявол, проскользнула в щель между хлипкой дощатой дверью и земляным полом.

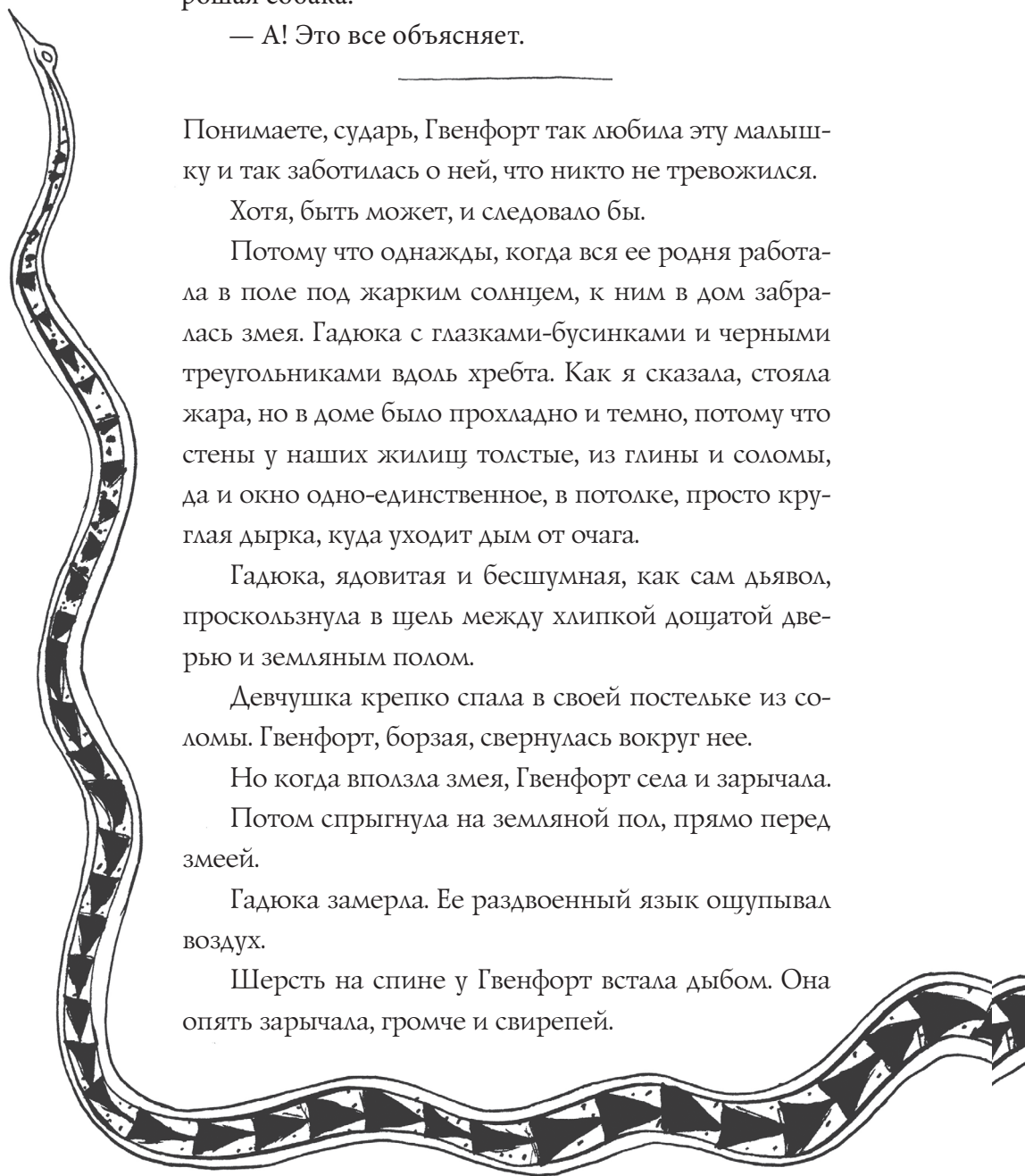
Девчушка крепко спала в своей постельке из соломы. Гвенфорт, борзая, свернулась вокруг нее.

Но когда вползла змея, Гвенфорт села и зарычала.

Потом спрыгнула на земляной пол, прямо перед змеей.

Гадюка замерла. Ее раздвоенный язык ощупывал воздух.

Шерсть на спине у Гвенфорт встала дыбом. Она опять зарычала, громче и свирепей.

Гадюка отступила. Изгибаясь, она заскользила назад к двери.

Гвенфорт опять зарычала.

Гадюка метнулась вперед.

Гадюки, как вам известно, могут быть очень быстрыми.

Но и борзые тоже.

Гвенфорт успела отскочить, и ее челюсти сомкнулись на шее у гадюки. Затем она стала трясти змею. Она прыгала по дому, который и был-то всего одна комната, и все трясла и трясла змею, так что разбросала все соломенные постели, и развалила камни вокруг очага, и сломала змее шею. Наконец она швырнула мертвую змею в угол.

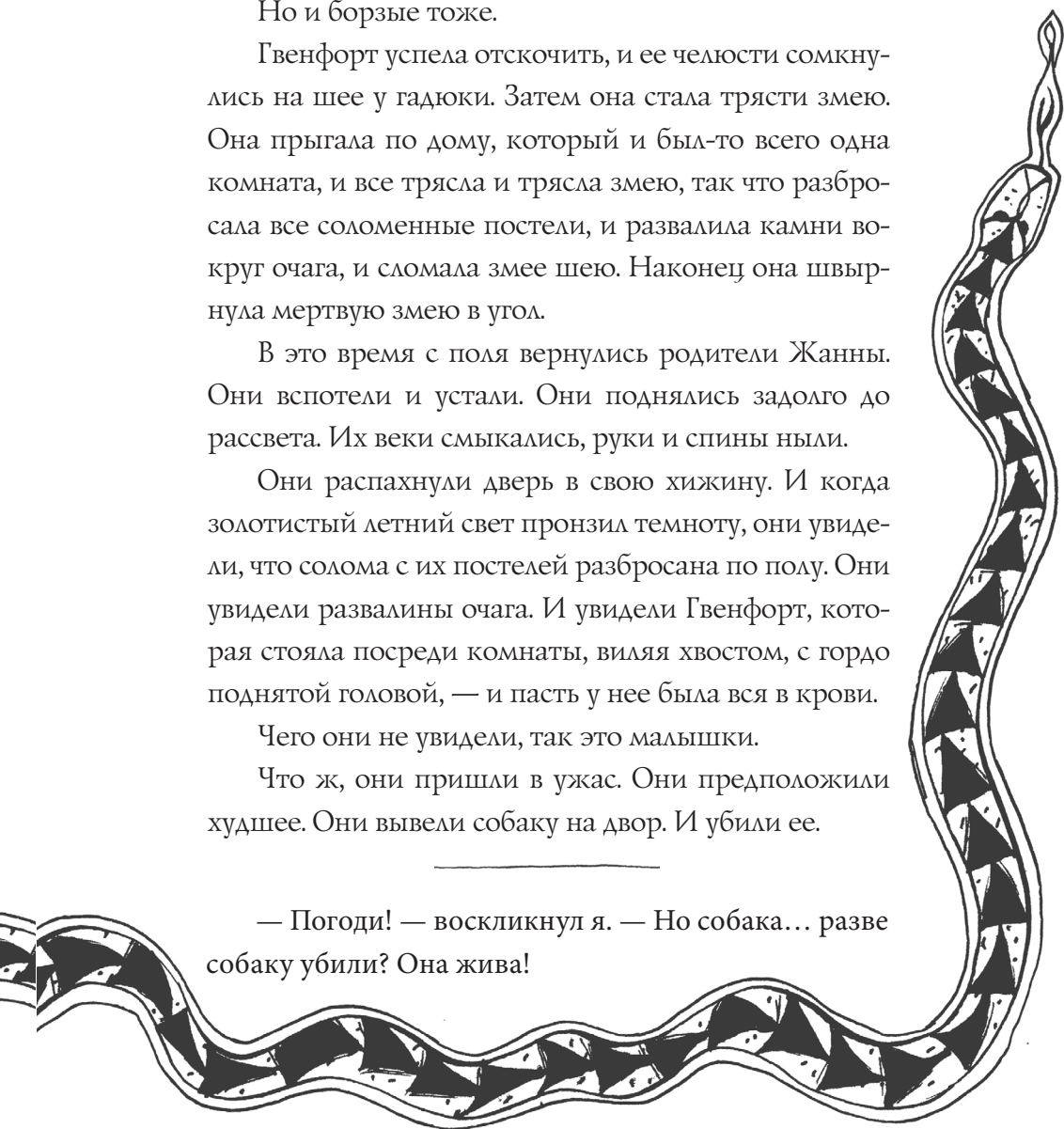
В это время с поля вернулись родители Жанны. Они вспотели и устали. Они поднялись задолго до рассвета. Их веки смыкались, руки и спины ныли.

Они распахнули дверь в свою хижину. И когда золотистый летний свет пронзил темноту, они увидели, что солома с их постелей разбросана по полу. Они увидели развалины очага. И увидели Гвенфорт, которая стояла посреди комнаты, виляя хвостом, с гордо поднятой головой, — и пасть у нее была вся в крови.

Чего они не увидели, так это малышки.

Что ж, они пришли в ужас. Они предположили худшее. Они вывели собаку на двор. И убили ее.

— Погоди! — воскликнул я. — Но собака... разве собаку убили? Она жива!

— Ну да, ее убили, — говорит Мари. — А теперь она жива.

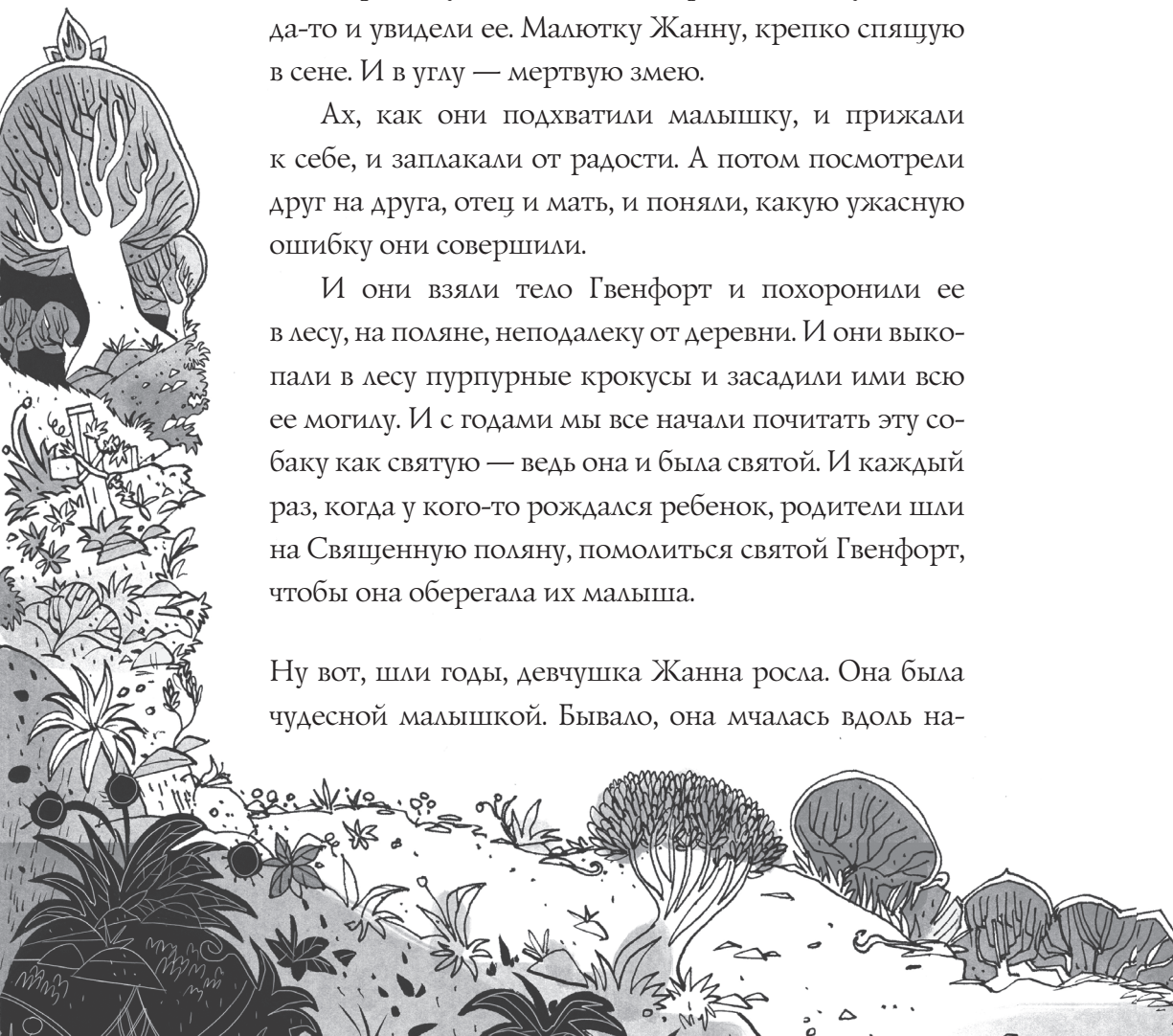
Я открываю рот, но оттуда не выходит ни звука.

Они вернулись в хижину и попытались как-то привести все в порядок. Уж будьте уверены, они плакали, потому что любили эту собаку, а девочку любили еще сильнее. Но мы, крестьяне, знаем, что слезами горю не поможешь. Так что они начали прибираться. Они сгребли угли в очаг, они сгребли солому. И тогда-то и увидели ее. Малютку Жанну, крепко спящую в сене. И в углу — мертвую змею.

Ах, как они подхватили малышку, и прижали к себе, и заплакали от радости. А потом посмотрели друг на друга, отец и мать, и поняли, какую ужасную ошибку они совершили.

И они взяли тело Гвенфорт и похоронили ее в лесу, на поляне, неподалеку от деревни. И они выкопали в лесу пурпурные крокусы и засадили ими всю ее могилу. И с годами мы все начали почитать эту собаку как святую — ведь она и была святой. И каждый раз, когда у кого-то рождался ребенок, родители шли на Священную поляну, помолиться святой Гвенфорт, чтобы она оберегала их малыша.

Ну вот, шли годы, девочка Жанна росла. Она была чудесной малышкой. Бывало, она мчалась вдоль на-

шей пыльной деревенской улицы, и заглядывала в каждую отворенную дверь, и махала людям, которые сидели в каждой хижине.

Она и ко мне заглядывала, помогала мне перемешивать хмель в старой дубовой бочке. Она навещала и Петра, священника, который жил со своей женой Игрейной, хотя священнику заводить семью не полагается. Она забегала к Марку, сыну Марка, маленького сына которого тоже звали Марк. Но она никогда не навещала Шарля, бейлифа, который, между прочим, мой свояк, — потому что помимо того, что он представитель закона, в нем доброты не больше, чем в сухой щепке.

Но из всех крестьян нашей деревни — а их было гораздо больше, не буду утруждать вас перечислением людей, которые не попали в этот рассказ, — Жанна больше всего любила старую Терезу.

Старая Тереза была чудная. Она ловила лягушек в лесных ручьях и собирала их кровь в склянки, чтобы давать ее людям, когда те заболели. Она смотрела на звезды ночью и по тому, как они двигаются, могла предсказать тебе будущее. Она была, ежели честно, ведьмой. Но она была славной старой ведьмой и всегда добра к малютке Жанне.

И в один прекрасный день оказалось, что наша малютка Жанна такая же странная, как Тереза.

Я была там, когда на нее нашло в первый раз. Она носилась у меня по двору за Марком — сыном Марка — сыном Марка — и остановилась как вкопанная. Она точно одеревенела, и так и стояла, с закаченными глазами, а потом так и повалилась, словно и впрямь была полешком, которое кто-то толкнул. Она так и лежала на земле,

и я видела, как тряслись ее худые ручонки и ножки, как стучали зубы.

Я до смерти перепугалась. Я закричала и бросилась за старой Терезой, потому что она одна не трудилась на поле. И мы обе склонились над малюткой Жанной.

Но вскоре припадок прекратился. Дыхание у нее было прерывистым, но она больше не тряслась. Тереза присела рядом с малышкой и приподняла ее. Подвела ей под голову свою морщинистую руку. Жанна открыла глаза. Старая Тереза спросила, что случилось, как она себя чувствует, всякое такое. Я тоже наклоняюсь, гадая, придет ли Жанна в себя. И тут Тереза и спрашивает: «А ты видела что-нибудь, малышка?» Не знаю, что она имела в виду.

Но наконец лицо Жанны проясняется, и она отвечает: «Я видела дождь».

И тут же, в этот самый миг над головой раздается раскат грома. Небеса отверзлись, и хлынул дождь.

Клянусь жизнью!

Я перекрестилась чуть ли не сотню раз и уже хотела бежать и рассказать всем, какое я только что узрела чудо, но Тереза ухватила меня за запястье.

У нее были выцветшие голубые глаза, у Терезы. И она крепко сжимала мое запястье. А потом сказала: «Никому не говори, что тут случилось». По ее морщинам ручьями стекал дождь. «Ни одной живой душе не говори. Даже ее родителям. Я сама разберусь с этим. Поклянись».

Слишком много она от меня хотела — видеть, как малышка творит чудо, и никому, даже ее родителям, не говорить об этом. Но когда старая Тереза хватает тебя за запястье и смотрит тебе в лицо этими своими бледно-голубыми глазами... В общем, я поклялась.

Рассказ пивоварши

После этого малютка Жанна стала проводить много времени со старой Терезой. С ней и потом случались эти припадки, но она больше не прозревала будущее. А если и видела что-то, то никому об этом не рассказывала.

Пока однажды, несколько лет спустя, это не повторилось снова. Я была тогда с ней и Терезой, когда с Жанной случился один из этих ее припадков — обморок, судороги, закаченные глаза, — а потом она очнулась и сказала, что идет великан. Тереза сказала, что это бессмыслица, и велела ей молчать. Здесь, в этой части Франции, нет великанов. Но Жанна повторяла это вновь и вновь. Я не могла взять в толк, зачем она твердит это при мне. Разве Тереза не запретила ей говорить о своих видениях при других людях?

Но потом Жанна сказала, что великан пришел за старой Терезой и заберет ее с собой.

Признаюсь, это нас напугало. А Тереза, когда это услышала, как-то примолкла.

И точно, назавтра пришел великан. Не знаю, был ли он и в самом деле великаном или просто самым рослым человеком, которого мне доводилось видеть. Но Марк — сын Марка — отец Марка, самый высокий в нашем городке, едва доставал ему до середины груди. Рыжая шевелюра гиганта торчала дыбом, рыжие бакенбарды топорщились. И на нем было черное одеяние — черное одеяние монаха.

Он звался Микеланджело. Микеланджело ди Болонья.

Малютка Жанна работала с родителями в поле, когда прошел слух о приходе великана. Она подошла к кромке поля. Она увидела великана, широко шагающего по деревенской улице, так что полы его черной рясы развевались за ним.

А навстречу ему шел мой глупый свояк, Шарль-бейлиф. За руку он тащил Терезу и выкрикивал какую-то чушь о новых законах, что велят искоренять ересь и языческое колдовство, и другие странные вещи, которых он только-только нахватался где-то. Он низко поклонился великану и вытолкнул перед собой Терезу, словно та была прокаженной. Гигант ухватил ее хрупкое запястье и стал тащить по улице прочь из деревни. Жанна бросилась к ним.

— Шарль! — кричала она. — Что происходит? Что он делает с Терезой?

Шарль отвечал Жанне, точно маленькому ребенку:

— Я не знаю. Но я думаю, Микеланджело ди Болонья собирается забрать ее с собой в святую обитель Сен-Дени и сжечь по обвинению в языческой магии, сиречь в ведьмовстве. Сжечь ее заживо, что хорошо и правильно, и да будет так, моя пышечка.

Малютка Жанна метнула в него взгляд, полный такой ненависти, что, думаю, он и по сей день его не забыл. По крайней мере, я не забыла. Потом она побежала за великаном и Терезой, крича, и плача, и умоляя его отпустить Терезу. Кто бы мог подумать, что в маленькой девочке столько ярости.

— Отпусти ее! — кричала она. — Отпусти ее!

Старая Тереза обернулась. Ее морщинистое лицо исказилось от страха, когда она увидела малышку Жанну.

— Жанна, — прошипела она. — Уходи! Тише!
Иди домой!

Но Жанну не так-то просто было успокоить.

— Ты, глупый великан! — так она кричала.

Она подбежала совсем близко.

— Перестань! Перестань, ты... рыжий... жирный...
злой... великан!

Монах медленно обернулся.

Его тень накрыла девочку.

Он смотрел на нее сверху вниз, его бледные в рыжих ресницах глаза засветились странным любопытством.

Жанна не отвела взгляда, как Давид перед Голиафом. Разве что этот Голиаф выглядел так, словно был охвачен огнем.

И тогда монах сделал что-то и вправду очень страшное.

Он рассмеялся.

Он смеялся над малюткой Жанной.

А потом утащил прочь старую Терезу.

И мы больше никогда ее не видели.

Жанна ринулась домой, слезы не поспевали за ней. Она рывком отворила двери в хижину, упала на постель и заплакала.

Следом за ней в хижину вошла ее мать, мягко ступая по земляному полу. Она прилегла на сено рядом с Жанной и погладила ее по волосам.

— Что случилось, моя девочка? — спросила она. — Ты боишься за Терезу?

Она пропустила меж пальцев пряди ее кудрей.

Жанна повернулась и сквозь слезы поглядела на мать. У той была бледная родинка в левом уголке рта и русые вьющиеся волосы, в точности как у дочери. Миг спустя Жанна сказала:

— Я не хочу, чтобы меня сожгли заживо.

Лицо матери изменилось.

— С чего бы тебя сожгли заживо, Жанна?

Жанна подняла глаза. Ее видение исполнилось. Разве это не колдовство?

Тут она увидела лицо матери. Она уже не была мягкой. Она казалась... сердитой.

— С чего бы тебя сожгли, Жанна? Скажи мне!

Но Жанна заколебалась.

— Я не знаю, — пробормотала она и вновь спрятала лицо в сено.

— Почему, Жанна? Жанна, ответь мне!

Но Жанна была слишком напугана.

С этого дня Жанна изменилась. У нее по-прежнему случались приступы, что верно, то верно, но она никогда никому больше не говорила о том, что видела. Ни разу. Мало того, она уже больше не была той веселой малышкой. Не заглядывала к нам в хижину, не носилась с Марком — сыном Марка — сына Марка. Она стала серьезней. Настороженней. Словно опасалась чего-то. Но не других людей.

Словно она опасалась самой себя.

А затем, с неделю назад в нашу деревню пришли какие-то люди и увели Жанну.

— И это конец моего рассказа.

Я как раз осушаю залпом свой эль, и чуть не расплескиваю его по столу.

— Что? О чем ты? Увели ее? Почему? — бормочу я. — Кто это был? И что насчет той собаки? Как случилось так, что она ожила?

— Я могу тебе рассказать.

Но это не голос Мари. Это монахиня, сидящая за соседним столом. Она, очевидно, слушала рассказ и теперь откинулась на спинку своего хлипкого стула.

— Я знаю о Гвенфорт и о тех людях, что увели малышку Жанну.

Это хрупкая старая женщина, у нее серебряные волосы и яркие голубые глаза. И еще у нее странный выговор. Не то чтобы непонятный, понятный, но какой-то... не такой. Не знаю, в чем тут дело.

— Откуда ты знаешь про Жанну? И про Гвенфорт? — говорит Мари. — Ты же никогда не была в нашей деревне!

— Да, но я знаю, — отвечает монахиня.

— Тогда будь добра, — говорю я, — расскажи нам.